

Сентябрь - пора жатвы. Наступающая осень пряталась в тяжёлых, золотистых колосьях риса.

В деревне все были заняты до предела: возвращались с мотыгами уже под луной. Ещё несколько дней назад, когда Лю Гуюй возвращался после торговли, он видел, как люди всё ещё снуют по полям, спеша убрать рис.

Одна женщина в поле заметила Лю Гуюя с Цуй Ланьфан, выпрямилась, разминая поясницу, и крикнула:

— Эй, из семьи Цинь, вы куда это?

Цуй Ланьфан остановилась, обернулась к ней и ответила:

— К семье Чэнь идём!

Сказав это, она поспешила догнать Лю Гуюя, который уже ушёл вперёд.

— К семье Чэнь? — женщина на мгновение задумалась, потом ткнула мужа локтем. — Разве семья Цинь не сдала свои поля семье Чэнь?

Её муж был сухощавым, смуглым от солнца, в грубой льняной одежде и соломенной шляпе. Закатав рукава до локтей, он без остановки махал серпом, срезая рис.

Он бросил на жену недовольный взгляд:

— Меньше суй нос не в своё дело! Лучше режь быстрее - сегодня эту делянку надо закончить!

Женщина фыркнула:

— С вами, мужиками, вообще говорить бесполезно!

Но, ворча себе под нос, продолжила:

— Да они точно к Чэнь Гуйцаю пошли! Слышала, он уже больше двух месяцев аренду не платит. Наверняка деньги выбивать идут!

Чем дальше, тем больше её разбирало любопытство. В итоге она и вовсе бросила серп и громко объявила мужу:

— Мы уже час пашем, у меня спина отваливается! Пойду передохну!

Но вместо отдыха она тут же вскарабкалась на межу и поспешила вслед за Цуй Ланьфан и Лю Гуюем. По дороге ещё и подзывала других деревенских:

— Видели? Семья Цинь с зятем к Чэнь Гуйцаю пошли - точно за арендой! Ай-яй... он ведь уже два месяца не платит. А я слышала, как они недавно в поле посмеивались - мол, Ланьфан мягкотелая, её легко обмануть, вот и молчит столько времени! Тьфу, бесстыдники! Пошли-пошли, посмотрим! Посмотрим!

□□.....

Чэнь Гуйцай был главой семьи Чэнь. Они были пришлыми: когда на родине случилось большое наводнение, он вместе с женой, детьми и старой матерью бежал в деревню Шанхэ. Земли у них не было, поэтому жили они за счёт аренды чужих полей. Их семья была даже беднее семьи Цинь: двое дочерей, сын и престарелая мать - ртов много. К тому же Чэнь Гуйцай был хромым и тяжёлую работу делать не мог, только возился с полями.

Когда Лю Гуюй и Цуй Ланьфан подошли к дому Чэнь, перед ними оказалась жалкая хижина под соломенной крышей - всего три комнаты, а крыша такая низкая, что, казалось, собака могла бы на неё запрыгнуть.

Подойдя к воротам, Лю Гуюй постучал. Спустя некоторое время дверь открыла женщина с землистым лицом. Щёки её были покрыты тёмными пятнами от солнца, волосы сухие и жёлтые, сразу видно: недоедание и тяжёлая жизнь.

На вид жалкая, но взгляд у неё был совсем не простым. Это была жена Чэнь Гуйцай - Юй Чуньхун. Увидев Лю Гуюя и Цуй Ланьфан, она сразу поняла, зачем они пришли. Лицо её вытянулось, а затем она поспешно сделала жалобный вид и слабым голосом сказала:

— А... это Ланьфан и Лю-гэр... что вас привело?

На это притворное «непонимание» Лю Гуюй даже внимания не обратил и сразу сказал прямо:

— Тётушка, ваша семья до сих пор не выплатила нам аренду за полгода! Сегодня у нас как раз было время, вот мы и пришли сами, чтобы вам не пришлось специально к нам идти.

Аренду платили раз в полгода. Деньги за вторую половину года должны были отдать ещё после шестого месяца, но уже шёл девятый, а оплаты всё не было.

Юй Чуньхун нервно потёрла руки и с виноватым видом заговорила:

— Ах, так вы из-за этого... Лю-гэр, не то чтобы тётка не хотела платить, просто семья у нас бедная. Посмотри сам - мой младший Бао-эр уже давно мяса не ел, дома только овощи да редька, где уж тут деньги взять...

При этом она ещё и хлопнула по плечу мальчишку, который вцепился в её ногу. Тот сразу надул губы. Мальчику было года четыре-пять. И хоть Юй Чуньхун жаловалась, что ребёнок давно не видел мяса, выглядел он крепким и упитанным – явно от голода не страдал.

Во дворе же сидела девочка лет двенадцати-тринадцати и стирала одежду. В деревянном тазу белья было навалено выше её головы. На вид она была примерно ровесницей Банбань, но ещё более худой и маленькой: кожа желтоватая, лицо истощённое, будто на нём и «двух лянов мяса не наберётся» (образно: совсем исхудала). Из-за этого глаза казались огромными и чёрными, словно два тёмных колокольчика, даже немного пугающими. Её запястья были тонкими, как прутики, казалось, их можно сломать одним движением.

Юй Чуньхун сразу заметила, что Лю Гуюй смотрит на её дочь, и тут же громко закричала:

— Эр-я! Эр-я! Ах ты, никчёмная девчонка! Гости пришли, а ты даже поздороваться не можешь! Быстро носи тётушке и братцу воды!

(ПП: строго говоря, это не имя, просто обозначение «вторая девочка»)

Девочка, которую звали Эр-я, медленно поднялась. Некоторое время просто стояла на месте, затем сухо ответила:

— ...Хорошо.

И только после этого пошла на кухню за водой.

Лишь когда она встала, Лю Гуюй заметил, что штанины и рукава у неё давно стали коротки – худые жёлтые щиколотки торчали наружу.

Вскоре она вернулась с двумя чашками воды, но не успела ничего сказать – Юй Чуньхун тут же подтянула её ближе к себе.

— Вот ведь смех один! У нашей Эр-я одежда уже короткая, а скоро осень и зима – чем детей одевать? Без тёплой куртки как зимовать? Окна не заклеены, крыша протекает... эх, куда ни глянь, всё денег требует!

Пока говорила, Юй Чуньхун незаметно сильно ущипнула дочь за руку. Девочка вздрогнула и тут же дрожащим голосом заговорила:

— Тё... тётушка... простите... у нас дома бедно, нет денег на аренду... пожалуйста, дайте ещё немного времени... прошу вас...

Голос у неё был жалобный, но лицо оставалось совершенно пустым, а огромные тёмные глаза

почти не моргали, словно перед ними стояла не живая девочка, а кукла.

Глядя на такую девочку, Лю Гуюй и правда не мог говорить жёстко. Он сразу перевёл взгляд на стоящую позади неё Юй Чуньхун и прямо спросил:

— Значит, вы просто не собираетесь платить аренду?

Та поспешно замахала руками:

— Да как же так! Не то чтобы не хотим... просто денег сейчас нет! Подождите ещё немного! Лю-гэр, прояви милосердие!

В этот момент снаружи вдруг раздался голос:

— Вот именно! У семьи Чэнь и так жизнь тяжёлая! Сейчас приходиться за деньгами - это же людей в могилу загонять! Лю-гэр, ты ведь в последнее время на рынке торговал? Наверняка уже неплохо заработал. Неужели тебе так нужны эти деньги? Прояви хоть немного доброты, оставь людям шанс жить!

Услышав это, Лю Гуюй обернулся и увидел, что говорит... Чжоу Цяочжи. Она жила неподалёку и, услышав шум, тут же примчалась - стояла теперь с довольным видом, наслаждаясь чужими неприятностями.

У ворот семьи Чэнь уже собралась толпа: кто-то был соседом, кто-то пришёл специально посмотреть. Кто-то вздыхал:

— И правда жалко... посмотрите, Эр-я совсем исхудала.

А кто-то тут же возражал:

— Пф! А кто сейчас не бедствует? У семьи Цинь сын умер - их, значит, не жалко? Долг есть долг! Разве можно не платить только потому, что тебя пожалели? Тогда на свете вообще не было бы честных людей!

Лю Гуюй всё это слышал и невольно усмехнулся. Он упёр руки в бока, посмотрел на Чжоу Цяочжи и сказал:

— О, судя по вашим словам, тётушка Чжоу настоящий святой человек! Добродетель просто безмерная! А у меня тут как раз есть отличная идея!

Толпа оживилась:

— Какая ещё идея?

Лю Гуюй улыбнулся:

— А пусть семья Чэнь теперь ходит есть к тётушке Чжоу домой! Раз уж она такая добрая, то и на еду им тратиться не придётся. А сэкономленные деньги как раз пойдут на оплату нашей аренды! Всем хорошо! Ну что, соседи, хорошая ведь идея?

Любители зрелищ тут же подхватили:

— Ха! Отличная идея! Отличная!

— Слышала, Цяочжи? Идея-то у Лю-гэра отличная!

— И ещё! У семьи Чэнь дети растут, так что угощай их как следует, готовь что-нибудь вкусное!

...

После таких насмешек Чжоу Цяочжи уже было не до веселья. Она то топала ногой, то сверкала глазами и в конце концов ткнула пальцем в Лю Гуюя:

— Ах ты, невоспитанный гэр! Я тебе всё-таки старшая, а ты так разговариваешь со старшими?!

Лю Гуюй закатил глаза и фыркнул:

— Старшая? А почему тогда старшая не думает о моём благе, а только хочет, чтобы я бесплатно других содержал? Такая вот у нас заботливая старшая - любительница чужого добра!

— Ты!.. Ты!.. — Чжоу Цяочжи задохнулась от злости.

Но, увидев, что никто вокруг её не поддерживает, лишь сердито развернулась и ушла домой.

И как раз в этот момент из дома семьи Чэнь вышла пожилая старуха. Старой матери Чэнь было уже много лет: слышала она плохо, видела тоже неважно, поэтому за всё это время даже не поняла, какой шум стоит во дворе. Она вынесла свиную ножку, прищурилась, глядя в сторону Юй Чуньхун, и крикнула:

— Чуньхун! Может, сегодня потушим свиную ножку с фасолью? Давно дома мяса не было, Бао-эр всё просит!

Увидев эту свиную ножку, Лю Гуюй едва не расхохотался. Он сам за всё время в этом мире ни разу ещё не ел свиных ножек!

На этот раз не он успел заговорить первым - Цуй Ланьфан, стоявшая рядом, уже нахмурилась и резко спросила:

— Разве у вас нет денег?!

Лицо Юй Чуньхун тут же пошло пятнами - то бледнело, то краснело. Она злобно покосилась на старуху и сквозь зубы процедила:

— Мама! Идите обратно в комнату!

Старуха переспросила:

— Что? Какой ещё суп из чёрной курицы? Да откуда же Дая чёрную курицу взяла?

Юй Чуньхун: «...»

Вот тут Лю Гуюй уже действительно рассмеялся. Он больше не стал обращать внимания на Юй Чуньхун, а повернулся к собравшимся деревенским и громко сказал:

— Все тётушки и дядюшки сегодня сами всё видели! У семьи Чэнь есть деньги на мясо и курицу, но нет денег на аренду! Так что если потом начнётся спор, пусть никто не говорит, будто мы не проявили соседского участия! Вы все свидетели, потом подтвердите!

Сказав это, он в последний раз посмотрел на Юй Чуньхун и бросил:

— Тётушка, раз вы не хотите платить, придётся мне самому искать выход. Долги возвращать - дело естественное. Разве не так?

Юй Чуньхун подумала, напустила на себя выражение дохлой свиньи, которой не страшен кипяток * и фыркнула:

— Верно, верно! Всё правильно! Только денег-то у нас нет! Если у тебя есть другой способ, какой угодно, мы не против!

(ПП: идиома, которая означает состояние, когда человек всё равно ничего не боится, потому что ситуация настолько плоха, что хуже уже не будет.)

А что он вообще мог сделать? Они ведь и правда бедны! Даже если забирать имущество в счёт

долга, дома один хлам: старые табуреты, дырявые чашки, треснувшие миски... всё это гроша не стоит.

Юй Чуньхун самодовольно подумала именно так.

Но Лю Гуюй больше ничего ей не сказал, только позвал Цуй Ланьфан и ушёл, действительно так и не взяв денег. Лишь когда они уже отошли, Юй Чуньхун вдруг почувствовала неладное и поспешила за ними на пару шагов, выкрикивая вслед:

— Да правда же! У нас и впрямь нет денег! Эта свиная ножка от зятя, это не мы сами покупали! У нас дома ничего нет! Хотя обыщите всё, не найдёте!

Из всего сказанного правдой была только последняя часть. Старшая дочь семьи Чэнь уже была замужем за вдовцом из другой деревни. Тот вдовец славился дурным характером и любил распускать руки. Старшая дочь Чэнь нередко возвращалась домой вся в синяках и слезах. Но на следующий день муж обязательно являлся сам - приносил рис, масло, мясо и яйца для тёщи, а потом снова уводил жену домой.

Потом снова бил, потом она снова убегала к родителям, потом он снова приходил за ней. Семья Чэнь и могла-то позволить себе мясо лишь благодаря этим редким «примирениям».

Не догнав Лю Гуюя с Цуй Ланьфан, Юй Чуньхун вернулась домой, сорвала злость на Эр-я, хорошенько её отругав. И только когда младший сын заныл, требуя мяса, она наконец взяла свиную ножку и ушла на кухню.

Тем временем Лю Гуюй с Цуй Ланьфан уже шли домой. Цуй Ланьфан нахмурилась и спросила:

— Гуюй, что же... мы так и оставим аренду?

Лю Гуюй тут же замотал головой:

— Да как можно! Сначала вернёмся домой. Потом я заверну пару пакетов коричневого сахара и схожу к старосте - попрошу помочь расторгнуть договор аренды. Землю мы заберём обратно и больше сдавать не будем!

<http://bllate.org/book/17177/1632451>